

ВАСУНДРА ТЕЙЛОР

ЗЕМЛЯ СЛОНОВ

ИНТРИГУЮЩИЙ И ПРОНИКНОВЕННЫЙ РОМАН
О ПУТЕШЕСТВИИ К СВОИМ КОРНЯМ, ИСПОЛНЕННЫЙ КРАСОТЫ
И МУДРОСТИ. ПРИГОТОВЬТЕСЬ ВЛЮБИТЬСЯ
В ПРОЗУ ВАСУНДРЫ ТЕЙЛОР.

«Буклист»

Розы света

Васундра Тейлор

Земля слонов

«Азбука»

2022

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Тейлор В.

Земля слонов / В. Тейлор — «Азбука», 2022 — (Розы света)

ISBN 978-5-389-33255-3

Навсари, Индия. По уши увязнув в браке без любви, Нирмала считает каждую рупию, заботясь о больном сынишке Варуне. А через дорогу от их бедного дома, с балкона внушительного особняка, построенного ее дедом, жестокая тетя Нирмала с презрением смотрит на мучения племянницы, отказываясь предложить хоть какую-то помощь. Но однажды из Зимбабве приходит загадочное письмо, адресованное давно умершему отцу Нирмалы, и перед ней открывается дверь в прошлое, о котором она не подозревала, и в будущее, на которое пока не смеет надеяться. Если верить письму, у нее есть близкие родственники в Африке, а семейная история хранит тайну, охватывающую три поколения. Поездка в Зимбабве может подарить Нирмале и ее сыну надежду на счастье, но также грозит вновь разжечь ожесточенную вражду с теткой, обрешей ее семью на нищету. И все же Нирмала готова рискнуть всем, чтобы выяснить правду.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-33255-3

© Тейлор В., 2022
© Азбука, 2022

Содержание

Семейные связи и уважительные суффиксы	6
Пролог	7
Часть I	11
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Васундра Тейлор

Земля слонов

*Каушалу и Приянке, осветившим мою жизнь.
Махендре, который помогал мне не отрываться от реальности.
Родителям, так много давшим мне*

*В семейной жизни любовь – это масло, смягчающее трение,
цемент, скрепляющий союз, и музыка, приносящая гармонию.
Фридрих Ницше*

Vasundra Tailor
THE SECRET OF ELEPHANTS

Copyright © Vasundra Tailor, 2022
All rights reserved

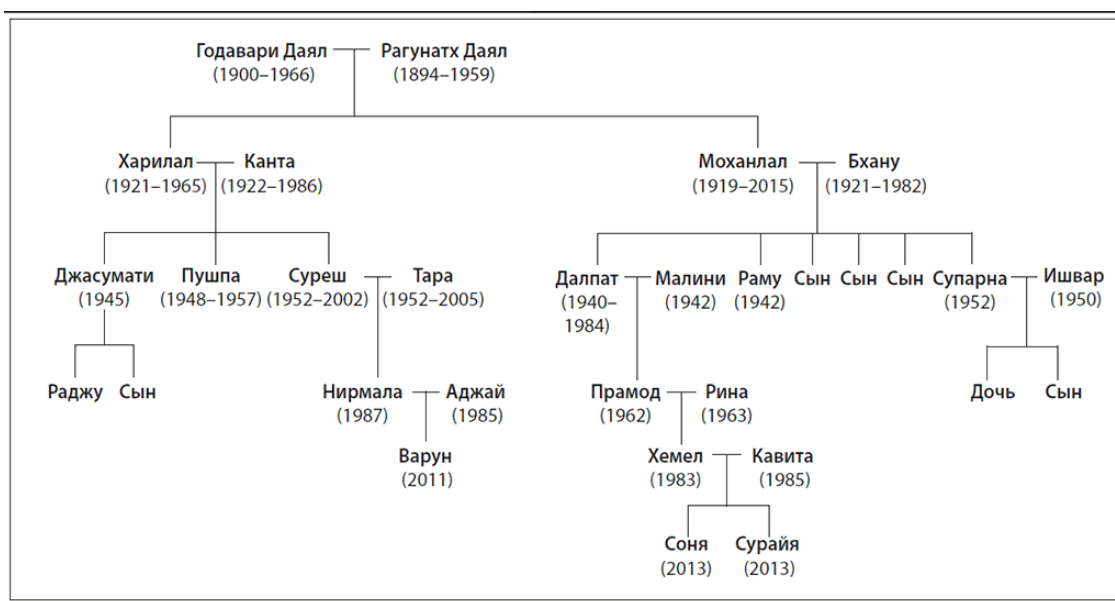
Печатается с разрешения *Amazon Publishing*, www.apub.com.

Издательство выражает благодарность литературному агентству *Synopsis Literary Agency* за содействие в приобретении прав.

© Н. Б. Буравова, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Иностранка®

Семейные связи и уважительные суффиксы

В большинстве языков Индийского субконтинента имеются специальные суффиксы, которые добавляются к именам, чтобы выказать уважение к старшему по возрасту собеседнику, родственнику, другу или просто почитаемому человеку. Члены семьи тоже именуется с определенными суффиксами, обозначающими степень родства. Ниже приведен список наименований родственников, а также некоторых суффиксов, используемых в романе.

Ба – мать.

Бапу(джи) – батюшка.

Бета – сын.

Бети – дочь.

Фои – тетка по отцу.

Фуа – муж тетки по отцу.

Чача – младший брат отца.

Чачи – жена младшего брата отца.

Маси – тетка по матери.

Маса(джи) – муж тетки по матери.

Мама – брат матери (дядя по матери).

Мами – жена маминого брата.

Бхаи – брат.

Баби – жена брата (невестка).

Бен – сестра.

Джиджа – муж сестры.

Дада – дедушка.

Дадима – бабушка.

Мота-дада – прадедушка.

Джи – универсальный уважительный суффикс.

Пролог

Март 2016 года, Навсари, Индия

Непролитые слезы жгли ей глаза. Сдерживаясь изо всех сил, она прижала ребенка к себе, мягко покачивая в теплых объятиях. Малыш обмяк в ее руках, устав после осмотра доктора, который ощупывал его и тыкал жесткими пальцами. В голове у нее продолжали крутиться ужасные слова. Эпилепсия. У моего сына эпилепсия. В памяти тут же пронеслась череда образов, когда ребенок страдал от изнурительных припадков. Невыносимо.

– Нирмала! Что с тобой? Совсем оглохла? – раздался вдруг злобный голос мужа.

Женщина вздрогнула, и от этого мальчик проснулся.

– Все в порядке, дикра¹, – прошептала она, прокашлялась и повернулась к мужу: – Прости, Аджай. Врач говорит, что Варун очень болен. У него эпилепсия, случаются припадки, и ребенку нужно особое лекарство. Возможно, принимать его придется всю жизнь.

Она видела, как муж нахмурился при этих словах. Затем пробормотал:

– Что за вздор? Ерунду болтает твой врач. У Варуна никогда не было никаких припадков. Он просто никчемный пятилетний оболтус, который ни в какую не хочет говорить. Вот и все.

Нирмала потянулась за листом бумаги и, развернув, перечитала три слова, аккуратно написанные печатными буквами.

– Доктор назвал это детской абсансной эпилепсией². – Она умоляюще посмотрела на мужа, надеясь, что на этот раз Аджай выслушает и попытается понять. – Ты ведь сам много раз видел, как Варун вдруг замирает и словно впадает в транс. Это и есть разновидность эпилепсии. Нужно сегодня же купить ему лекарство. – И, стараясь говорить спокойно, попросила у мужа немного денег.

– Думаешь, рупии на деревьях растут? – Ноздри у мужа раздулись. – Как по-твоему, сколько я зарабатываю на пошиве сари да блузок для нищих клиенток в этом зачуханном городишке? Денег, значит, хочешь? – Аджай наклонился вперед, чтобы их лица оказались на одном уровне. – Ну так ты знаешь, где их достать. – Прищурившись, он мгновение смотрел на жену, а потом развернулся и вышел вон.

Варун задрожал и уткнулся Нирмале в грудь. Она погладила его по спинке и тихо заворковала на ухо. Не в первый раз она задавалась вопросом, чем так нагрешила в прошлой жизни, что заслужила такого неразумного супруга. И зачем было так спешить замуж?

Прекрати, велела себе Нирмала. Как получилось, так и получилось, а теперь нужно собраться с силами. Нельзя позволить мужу запугать ее. Но сказать легче, чем сделать, особенно когда дело касается финансов. Она вспомнила, как мгновенно разъярился Аджай, стоило ей недавно попросить немного денег. Разговоры на эту тему всегда приводили его в бешенство, потому что средств их маленькой семье не хватало толком даже на еду.

Варуну стало жарко в материнских объятиях, он вспотел. Вот бы в комнате было прохладнее и уютнее, как когда-то в ее детстве! Вентилятор под потолком сломался много лет назад, и его так и не починили. Нирмала оглядела маленькую темную комнатушку без окон. С одной стороны помещение сообщалось с кухней, а с другой – с гостиной, которая служила единственным источником воздуха и света для дома и одновременно являлась швейной мастерской Аджая и супружеской спальней. Окно и наружная дверь выходили на веранду с ее заветными качелями *джулой*. Нирмала решила уложить Варуна на них.

¹ Малыш, детка (*хинди*). – Здесь и далее примеч. пер.

² Один из наиболее частых синдромов детской эпилепсии (ДАЭ). Характеризуется припадком «отсутствия» (абсансом), когда ребенок неожиданно замирает, ни на что не реагируя, а после ничего не помнит о приступе.

– Тебе на этой *джуле* тоже хорошо, мой *дикра*, – напевала она, устраивая сына на подушках и укладывая его голову себе на колени. Как же здорово, что отец много лет назад построил *джулу*. Спасибо ему. Большинство соседей тоже ставили качели у входа в дом, но у Нирмалы они были особенные, сделанные из цельного дерева и на четырех тяжелых цепях подвешенные к балке. В детстве она любила сидеть там между мамой и папой.

Полуденное солнце палило, но крыша крыльца давала желанную тень. Февраль, по идее, зимний месяц, но здесь, в штате Гуджарат, погода в основном либо просто жаркая, либо невыносимо жаркая. Нирмала скинула тапочки, сбросила *одхани*³ и заново скрутила узлом на затылке длинные каштановые волосы. Она вспотела даже в тонком хлопчатобумажном *шальвар-камизе*⁴.

На улице было мало народу, и Нирмала только порадовалась. Ей совершенно не хотелось отвечать на радостные приветствия соседей или откликаться на призывы разносчиков и уличных торговцев. Она смотрела, как мимо несутся моторикши и мотороллеры, оставляя за собой шлейф пыли, щекочущий ноздри. Непрерывным потоком привычно шли коровы и телята, понимающие, что никто не причинит им вреда, и оттого беззаботно вззирающие на мир. На оживленных дорогах, где животные часто оказывались помехой, нередко возникали пробки.

Но здесь, на Голвад-стрит, вид мерно передвигающегося и жующего стада успокаивал. Мимо прошли несколько женщин в ярких сари, неся с рынка полные сумки свежих овощей и с завистью глядя на Нирмалу, которая прохладается в тени, пока они изнемогают под палящим солнцем. В обратную сторону, направляясь торговать на рынок, потащил свою тележку продавец еды. От тележки исходил запах острых луковых *баджи*⁵ и *каман докль*⁶, и у Нирмалы потекли слюнки. Сразу же возникли мысли об ужине. Вздохнув, она поняла, что сегодня опять придется готовить дал с рисом.

Варун дернулся во сне. Нирмала посмотрела на своего чудесного мальчугана с вьющимися темными волосами, гладкой смуглой кожей и совершенными чертами лица. Для своего возраста он был маленьким и худым. Тихий, чувствительный ребенок, полный любопытства к окружающему миру. Но недавно с ним стало происходить что-то странное. Нирмала заметила, что иногда, прямо посреди фразы, он вдруг замирает и тупо таращится в пространство. С минуту молчит, а потом даже не осознает, что впадал в непонятный транс.

Нирмалу приводила в ужас мысль, что без надлежащего ухода и лечения синдром может перерасти в полномасштабные припадки. От этого ее начинало трясти, и сердце сжималось в груди. Как-то надо найти деньги на лечение. А если Аджай не поможет, что делать? Пульс участился. Поняв, что начинает паниковать, женщина глубоко вздохнула. Рассуждай логически, велела она себе, и подумай, что можно предпринять.

Нирмала размышляла над намеком Аджая. Она слишком хорошо понимала, что муж имел в виду. Всякий раз, когда им не хватало денег, он заставлял ее идти с протянутой рукой к богатой тетке по отцу, которая жила через дорогу. Но Нирмала знала, что никакой помощи от тети Джасумати не получит. Одно лишь унижение. В голове вспыхнуло воспоминание о недавних язвительных нападках Джасу-фои:

– И не таскайся ко мне за подаванием, Нирмала. Лучше заставь бездельника-мужа поднять ленивую задницу и заняться чем-нибудь приличным.

³ Накидка, которая покрывает голову, плечи и грудь. Как и *дупатта* (шарф), *одхани* по цветовой гамме и рисунку должна гармонировать с костюмом.

⁴ Традиционный южноазиатский костюм из штанов и рубахи.

⁵ Распространенная уличная еда: острые овощные (в основном луковые) оладьи, нередко с начинкой.

⁶ Пышный бисквитный пирог из ферментированной нутовой муки с добавлением манной крупы, лимонного сока, творога и зеленой пасты из чили и имбиря.

А ведь тогда Нирмала в первый раз попросила тетку о помощи. И в последний: слишком уважала и ценила себя. Аджай особой гордостью не отличался. Несколько раз он и сам ходил к тетке жены, но всегда возвращался с пустыми руками и злой, как ракшас⁷.

– Ну ты, упрямая ослица. Ступай и выпроси хоть сколько-нибудь у своей великой и могучей Джасу-*фои*. Поднапрягись! – Имя тети Джасу муж всегда выплевывал, словно вонючее насекомое, случайно попавшее в рот.

Нирмала рассеянно гладила волосы Варуна, раскачиваясь взад и вперед и глядя на великолепный четырехэтажный особняк, возвышающийся напротив. Это было кирпичное здание, окрашенное в мягкий небесно-голубой цвет, с балконами на каждом этаже, которые тянулись по всей ширине особняка. Переднюю часть балконов украшала изящная лепнина. И снова Нирмала восхитилась словами, элегантным шрифтом выгравированными на фасадах балконов второго и третьего этажей: «Особняк Супарны. 1952».

– Когда его построили, это было самое высокое и роскошное здание в Навсари, – рассказывал отец, в детстве качая ее на *джуле*. – Знаешь, твой дедушка Харилал-*дада* очень им гордился.

– Отчего же теперь все поломано? – удивлялась Нирмала. Отец тогда так ничего и не объяснил, а теперь здание выглядело еще хуже.

Почему тетя допустила такое? Дом был в ужасном состоянии: краска на стенах облупилась и осыпалась, а каменная кладка потемнела от грязи и начала разрушаться. Ведь денег на содержание здания тете должно хватать. Подтверждением тому могли служить квартиры на двух верхних этажах, где Джасу-*фои* жила с семьей. Эти помещения были щедро обставлены дорогой мебелью и изобиловали изысканными аксессуарами. Нижние же этажи сдавались в аренду, и жильцы платили аккуратно.

Отец рассказывал, как счастлив был там при жизни своего отца, Харилала, который и выстроил особняк, принадлежащий теперь тете Нирмалы. Отец часто говорил, что дед отличался добротой и щедростью и был бы любящим дедушкой для Нирмалы.

– А у тебя было много денег, папа? – спросила она тогда.

– Да, *бетти*, но деньги – еще не все. Они не всегда делают человека счастливым. Запомни это.

Однако, глядя на особняк, Нирмала не могла не жалеть, что настолько бедна. В душу заполз червячок обиды, и женщина сглотнула кислую слюну. Почему ей не досталось ни рупии из семейного состояния? У Джасу-*фои* денег много, и она вполне могла бы проявить хоть капельку щедрости. Но она злая и бесчувственная, нисколько не похожая на своего единственного брата, Суреша, отца Нирмалы.

Мысль об отце заставила Нирмалу улыбнуться. Он обожал дочку и, когда она была маленькой, всегда приносил домой особые лакомства. Сразу вспомнился мягкий упрек матери:

– Суреш! Ты ее слишком балуешь.

А теперь уже Нирмале хотелось хоть изредка баловать собственного ребенка. Глядя на особняк, она представила, как отец весело играет с другими детьми в роскошной обстановке. Почему он отринул такую богатую жизнь? Нирмале было известно лишь одно: Суреш прямо перед свадьбой поссорился со своей матерью и навсегда ушел из дома.

Варун пошевелился и коснулся ее щеки.

– Мам, пить хочу.

Она чмокнула его в ладошку, потом торопливо принесла из кухни воды. Мальчик сел и с жадностью выпил всю чашку. Нирмала с облегчением увидела, что краснота с лица сошла, и сын выглядит гораздо лучше.

⁷ Злобный демон из индийской мифологии.

– А я припасла для тебя немного *джалеби*⁸. – Она рассмеялась, увидев, как просияло лицо мальчика. Накануне к ним заглянула ее подруга Хема с полным пакетом сладостей. Сейчас Нирмала отдала пакет Варуну и смотрела, как он выбирает свои любимые желтые *джалеби*, розовые кокосовые *бурфи*⁹, зеленую халву и оранжевые *ладду*¹⁰. Ребенок с удовольствием начал пробовать угощение.

Мысли вернулись к насущной проблеме, и Нирмала подумала, не одолжить ли денег у Хемы, как и в прошлый раз. Подруга-то никогда ей не откажет, поскольку они выросли вместе, чувствовали себя скорее сестрами и бесчисленное количество раз помогали друг другу. Женщина вспомнила, как в их детстве у семьи Хемы всегда было трудно с деньгами. Но теперь все изменилось, и Хема хорошо зарабатывала школьной учительницей.

Тем не менее Нирмала не любила у нее просить. Неохотно она посмотрела на мамино золотое кольцо с бриллиантами, украшающее ее палец. Может, придется снова его заложить. Денег за него всегда давали прилично. Но сейчас есть риск навсегда потерять драгоценную память о родителях. Стоит ли? Нирмале стало страшно от самой мысли.

В голове мелькнула еще одна мысль, непрощеная, от которой перехватило дыхание. «Я всегда буду рядом с тобой», – именно так он и сказал, ее бесценная любовь. Не проходит и дня, чтобы она не вспоминала о минувшем. Но нет, хватит. Нирмала отбросила сожаления о былом. Она не позволит себе снова пойти по этому болезненному пути.

– Мама, а папе оставить?

– Нет, *дикра*. Это всё тебе. – Она заметила, как сын замялся, прежде чем залезть в пакет за добавкой. Ее красивый и щедрый сын. Он заслуживает гораздо большего. Душа просто в клочья рвалась при виде того, как он вдруг «пропадал», к глазам подступали слезы. Но Нирмала боролась с ними и старалась быть сильной. Я переживу это, твердо сказала она себе.

Из отчаяния ее вывел внезапный стук на крыльце. Там, мрачно глядя на них, к двери прислонился Аджай.

– Ты вернулся. – Нирмала заставила себя улыбнуться.

Мгновение он стоял молча и недвижно, похожий на статую. Затем подошел и сунул ей в руку пачку банкнот.

– Мне отдали долг. И больше не проси у меня денег. – Нагнувшись и глядя сыну в глаза, он нахмурился и строго произнес: – Ты обязан поскорее поправиться. Сам знаешь, рупии не растут на деревьях. – И, не пытаясь смягчить свои слова, направился к швейной машинке.

Нирмала ободряюще улыбнулась Варуну. Потом пересчитала рупии в руке и почувствовала огромное облегчение. Лечить мальчика можно начать прямо сегодня. Но даже сейчас, радуясь этой счастливой мысли, она ощущала в животе ноющую тяжесть. Со всеми предстоящими расходами надолго ли хватит этих денег? Она снова взглянула на особняк и прошептала про себя: «Почему ты все бросил, папа? Почему Джасу-*фои* такая эгоистка? Что произошло между тобой и бабушкой?»

⁸ «Улитки» из тонкого теста, обжаренные во фритюре из топленого масла (*ghi*) и пропитанные сахарным сиропом.

⁹ Сладость из уваренного молока с сахаром, орехами и кокосовой стружкой.

¹⁰ Обжаренные шарики из нутового теста, пропитанные сахарным сиропом.

Часть I

Апрель 1957 года, Навсари, Индия

Глава 1

Харилал смотрел, как дети возбужденно подсакивают, упрашивая мать отпустить их на местное озеро Дудхья-Талав. Он знал, как ребяташки любят плавать и плескаться в прохладной воде. Суреш, их пятилетний сын, даже встал на колени, молитвенно сложив ладони. Джасумати была самой старшей и в свои двенадцать лет вполне могла присмотреть за младшими братом и сестрой, поэтому сам Харилал их с радостью отпустил бы. Но Канта думала по-другому.

– Нет, без взрослых нельзя. А мы собираемся в Сураат навестить *маси* в больнице, и вы должны нас дождаться.

– Ну пожалуйста, *ба*, – умолял Суреш. – Я хочу поплавать.

– Нет. Нельзя, я сказала. И хватит приставать ко мне. – Канта повернулась, чтобы уйти, но увидела, что Суреш ухватился за нижний край ее сари. – Прекрати, Суреш! – Она вырвала подол из рук сына. – Не капризничай.

Мальчик отпрянул от резкого тона матери, а его сестры, не сказав ни слова, удалились.

Харилал сжалился над детьми и решил вмешаться.

– Джасумати и Пушпа вдвоем позаботятся о малыше, а сегодня очень жарко. Почему бы не отпустить их?

Канта обожгла мужа испепеляющим взглядом. Она никогда не спорила, но Харилал всегда знал, когда жена недовольна. Она стояла перед ним, выпрямившись и подняв подбородок. Вот бы жена общалась с ним свободнее! Но она даже после тринадцати лет брака оставалась в его присутствии немногословной и сдержанной. Не холодной или резкой, а отстраненной. Примерная жена и мать – в ее преданности он не сомневался. Но как же ему хотелось видеть ее улыбающейся и нежной. Но, к своему горькому сожалению, Харилал знал, что Канте все еще не дают покоя события минувших дней.

– *Ба*, не волнуйся, у нас все будет хорошо, – пообещала девятилетняя Пушпа, средняя, которая редко о чем-то просила. Спокойная и рассудительная, Пушпа думала прежде всего о других. Харилал понимал, что именно она служит связующим звеном для их семьи. К ней тянулись все, но он не сомневался, что и в сердце жены есть для Пушпы особое местечко.

– Ты действительно хочешь пойти, *дикра*? – Тон Канты был мягким и нежным.

Пушпа кивнула, и мать улыбнулась, после чего противостояние мигом закончилось. Суреш вскочил и принялся плясать и петь во весь голос.

– Перестань, Суреш. И собирай все необходимое для прогулки. Вы уже пообедали, так что нужно взять только воду. – И Канта пошла запира́ть двери и окна.

Харилал потер руки.

– Увидимся у машины, *чокрао*¹¹. На обратном пути из Сурата мы вас заберем.

Он спустился по четырем лестничным пролетам их красивого, недавно отстроенного дома, на мгновение останавливаясь на каждой площадке винтовой лестницы, чтобы выглянуть на открытые балконы.

Особняк Супарны был в Навсари самым высоким и красивым зданием, чем Харилал безмерно гордился.

Люди приезжали со всей округи, чтобы полюбоваться домом с широкими балконами и красочной лепниной на голубом фасаде. На каждом этаже располагалось по две квартиры, уже занятых первыми счастливицами. У Харилала не было к ним никаких претензий, но он радовался, что весь четвертый этаж и большая открытая терраса на самом верху принадлежат его семье.

– *Бануджи!* Я спускаюсь, – крикнул Суреш с их балкона.

Харилал поднял голову и помахал рукой, но успел заметить лишь сияющее лицо сына и копну вьющихся каштановых волос. В мгновение ока мальчик сбежал по мраморной лестнице, шлепая красными сандалиями по жемчужно-белым ступеням, и вскоре уже стоял рядом с отцом, улыбаясь во весь рот.

– *Бануджи*, ты сегодня прямо как Дилип Кумар!

Харилал рассмеялся. Он знал, что совсем не похож на знаменитого киноактера, хотя, как и тот, одевался по западной моде в лучшее из доступного. Да и причесывался похоже: аккуратная короткая стрижка с косым пробором и челкой. Правда, черты лица у Харилала были не такие четкие, как у популярного актера, да и фигурой он вышел помассивнее, но слышать похвалу сына было приятно.

Он взъерошил мальчику волосы и посмотрел в его красивые серо-зеленые глаза. «Не доверяй светлоглазым». Харилал смеялся, слыша эту старую поговорку, а вот Канта всегда злилась. Вспомнилось, как в последний раз она набросилась на брата:

– Что глупости-то болтать! Держи свои замечания при себе.

Суреш с восторгом смотрел на блестящую пурпурную машину «амбассадор», предмет гордости отца. А Харилалу было радостно видеть отражение своей страсти в глазах сына. Ему и самому нравился внешний вид этого четырехдверного седана с выпуклыми величественными формами. Машина источала запах шика и богатства. Он заказал «амбассадор» заранее, задолго до того, как завод «Хиндустан моторс» заработал в полную силу. Это был первый автомобиль, выпущенный в Индии после обретения независимости десять лет назад, и Харилал гордился, что поддерживает отечественного производителя. К тому же ему очень льстили оценивающие взгляды, которые он подмечал, сидя за рулем.

Харилал был не из тех, кто любит выставлять достаток напоказ, но хорошие вещи ему, признаться, нравились. Когда страна обрела независимость и индийцы получили возможность массово вкладываться в новые экономические проекты, Харилал в полной мере воспользо-

¹¹ Дети (*гуджарати*).

вался представившимися выгодами. Разумно вложил деньги в несколько многообещающих индийских компаний и теперь с удовольствием пожинал плоды своих усилий.

– Можно мне сесть впереди, *бануджи*?

– Конечно, можно. Запрыгивай, пока остальные не пришли. – Он открыл дверцу и поднял мальчика на сиденье.

Тот устроился посередине и замер, зачарованно оглядывая черный кожаный салон. Харилал выбрал для своей машины деревянную отделку, блестящий руль фирмы «Нарди» и элегантную приборную панель.

– Никак на отдых куда собрались?

Еще до того, как обернуться, Харилал понял, что это господин Саледжи, жилец с первого этажа. Он пользовался известностью в округе, особенно среди детей. Его часто видели в окружении ребятишек, которым он читал или рассказывал истории из индийских мифов и фольклора. У Саледжи была привычка то и дело похохатывать при разговоре, а смех напоминал лошадиное ржание, за что веселого соседа прозвали *Года-чача*, дядя Лошадь.

– Мы едем в Сурат, а детей высадим на Дудхья-Талав. Вернемся после обеда.

– Отличный день для купания, – хохотнул господин Саледжи.

Остальные дети уже тоже забирались в машину, нагрузившись мешками с полотенцами, сменной одежды и питьевой водой.

– Хорошо провести время, *чокрао*. – Господин Саледжи снова заржал, заставив детей захихикать.

– С чего это ты уселся впереди, Суреш? Ну-ка, лезь назад, – приказала Канта.

– Нет, все нормально. Я сам его туда посадил. И выпущу, когда мы доберемся до озера.

Канта поджала губы и царственной походкой подплыла к переднему пассажирскому сиденью. Харилал не отрываясь восхищенно смотрел на жену. На ней было красновато-коричневое шелковое сари с широкой черной каймой и модная нынче блузка с длинными рукавами. А еще – золотое свадебное ожерелье и браслеты. И разумеется, она провела *синдуrom*¹² по пробору и украсила лоб большим круглым *чандло*¹³. А кроме того, подвела глаза *каджалом*¹⁴ и собрала волосы в тугий пучок на затылке. Все правильно, все как положено, подумал Харилал.

Канта сохранила стройную фигуру даже после трех родов и всегда умудрялась выглядеть элегантно. Смуглая, с безупречной кожей, высокими скулами и пухлыми губами, для него она была ослепительно красива. Но многие с ним не соглашались из-за слишком заметной смуглоты. Просто ужасно, насколько люди одержимы светлой кожей. Харилал же ненавидел распространенное мнение, что привлекательными могут быть только светлокожие.

Да что там, против женитьбы на Канте возражала даже его мать, хотя невеста происходила из богатой и уважаемой семьи.

– Посмотри, какая она чернавка, Хари. Зачем тебе жениться на ней? Вокруг столько светлокожих девушек – выбирай любую.

Но Харилал настаивал, что ему нужна только Канта. Он часто вспоминал их первую встречу. В пастельно-зеленом сари и контрастной блузке с пышными рукавами она сопровождала родителей, когда те пришли свататься. Его заинтриговали прямой безмятежный взгляд и спокойная уверенность, отличавшие эту девушку от потенциальных невест, которые смотрели на него исподтишка или вообще не смотрели. Канта же очаровала его своей сдержанностью и грацией.

¹² Порошок красного цвета, которым замужние женщины окрашивают пробор, а также рисуют точку (*бинди*) между бровей.

¹³ Ювелирная подвеска, спускающаяся на лоб от пробора.

¹⁴ Традиционная подводка для глаз из сурьмы и натуральных масел.

Если бы только не эта ее нынешняя суровость! А ведь так было не всегда. Раньше она была теплой и нежной с мужем и дружелюбной с окружающими. Но однажды все переменялось.

У Харилала сдавило грудь, когда вспомнились события, причинившие столько страданий и несчастий. Он всем сердцем сожалел о своей тогдашней роли и решении, принятом годы назад. К сожалению, теперь исправить уже ничего нельзя. Но он был полон решимости сделать все возможное, лишь бы Канта снова стала счастливой и радостной. Сейчас она выглядела безучастной и даже надменной. Но Харилал знал, что под внешней суровостью кроются доброта, сострадательность и стремление помочь нуждающимся.

Харилал развернул машину и неторопливо поехал в сторону Дудхья-Талав. Небольшое озеро, расположенное прямо в центре города, было для жителей Навсари настоящим оазисом мира и покоя. Конечно, хотелось бы, чтобы вокруг воды было больше зелени, но радовало, что есть мощеная дорожка, по которой можно прогуляться. Тенистые деревья и каменные скамейки делали прогулку еще более приятной, и люди стекались сюда по выходным и праздникам.

Когда семейство добралось до озера, там, к великой радости Харилала, оказалось тише, чем можно было ожидать. Обычно пространство гудело от людей: местечко пользовалось популярностью у тех, кто хотел отдохнуть, охладиться или просто расслабиться. Но сегодня палящий зной, очевидно, многих побудил остаться в домашней прохладе. Харилал заметил нескольких местных жителей, которые сидели на затененных балконах и смотрели на воду.

От озера шла дорожка к знаменитому базару Навсари, где повар их семьи ежедневно закупал продукты. Издалека доносился гомон: продавцы перекликались с покупателями и друг с другом, размахивали руками и кричали, пытаясь переспорить друг друга. Донесся свежий аромат плодов.

– Давай купим твоей сестре фруктов? – предложил Харилал.

– Хорошо. Но сначала высадим детей.

Припарковаться удалось у трехфутовой каменной стены, отделявшей озеро от оживленной улицы. Вдоль стены стояли торговцы с велотележками; блестящие и яркие зеленые, синие, оранжевые и желтые тенты хлопали на ветру. Продавцы завлекали детей и взрослых громкими криками: «*Кульфи*¹⁵, *фалуда*¹⁶, мороженое! Подходи и бери!»

Сразу за стеной начинался специально насыпанный пляж, любимое место детей. Пологий спуск, заполненный цементом, камнями, песком и травой, шел к самой мелководной части озера. Здесь легкие волны мягко набегали на бережок.

– Мы идем купаться! Мы идем купаться! – во все горло распевал Суреш, подпрыгивая на сиденье.

Харилал со смехом соскользнул с водительского места и помог сыну спрыгнуть на землю.

– Успокойся, *дикра*, и спускайся осторожно. Девочки, держите брата за руки и будьте рядом. Джасумати, ты главная, хорошо? У вас есть все, что нужно?

– Да, *бануджи*, – заверили дети, махая на прощание. Они были на пляже много раз и знали правила.

– Я провожу их к воде, а ты иди за фруктами, – распорядилась Канта.

– Пойдем вместе. *Чокрао* в полной безопасности, а ты только испачкаешь сари.

Канта заколебалась, но все же согласилась, что в словах мужа есть смысл.

– И не болтайте долго на пляже! – крикнула она детям. Те обернулись и снова помахали, а потом побежали дальше.

¹⁵ Традиционный десерт наподобие мороженого.

¹⁶ Холодный сладкий напиток на основе молока, розовой воды и тонкой крахмальной лапши.

Харилал убедился, что все окна в машине закрыты, и запер дверцы. Бросив на жену последний восхищенный взгляд, он последовал за ней. Им обоим нравилось ходить на рынок и прогуливаться по проходам, впитывая шумную, яркую атмосферу базара. Приятно было и наблюдать, как вокруг торгуются и спорят до хрипоты, но вполне дружелюбно. Харилал часто удивлялся, с какой легкостью Канта вливается в любую компанию. Она умела держаться так, словно каждый день ходила сюда за покупками, и могла поставить на место любого зарвавшегося продавца:

– Две рупии за пять гуав! С ума сошел? Думаешь, раз на мне красивое сари, меня можно грабить?

– Нет, госпожа. Это справедливая цена. Дешевле вы нигде не найдете.

Харилалу нравились яркие цвета вокруг: одежда прохожих, навесы над прилавками, циновки на земле и радуга свежих фруктов и овощей. Как и многие жители Гуджарата, Харилал был вегетарианцем и с наслаждением рассматривал горы разноцветных овощей на прилавках: зеленую и темно-красную бамию, желтую тыкву, нежно-салатные молодые кабачки, бобы самых разных видов и оттенков и многое другое. Приятно было знать, что все это выращено крестьянами в близлежащих деревнях.

Канта рассматривала манго, национальный фрукт Индии. Говорят, его здесь столько же сортов, сколько и диалектов. Манго издревле считалось плодом богов: совершенное по форме, в роскошной красной, оранжевой или золотистой «одежде». Сейчас как раз был сезон манго, и в продаже встречались любые сорта со всех концов Индии.

Харилал наблюдал, как жена отбирает полдюжины лучших плодов. По одному только аромату и упругости мякоти она точно знала, какие будут сладкими и сочными. Естественно, и поторговалась. Но в конце концов супруги расплатились, и продавец завернул им манго в старую газету.

– Как думаешь, твоя сестра сможет их съесть?

– Не знаю. Туберкулез очень тяжело лечится. Ей хуже, и новое лекарство не помогает. Посмотрим, как она себя чувствует сегодня.

Когда они подошли к машине, Канта вдруг решила проверить детей.

– Только побыстрее, Канта. Чем скорее мы уедем, тем скорее вернемся. – Харилал забрал у жены сверток с манго и смотрел, как она идет по обочине. Через несколько минут она вернулась с довольным видом:

– Все хорошо. Поехали.

Харилал развернул машину, и они отправились за двадцать пять миль к северу, в Сурат. Дороги были забиты скутерами, рикшами, велосипедистами, пешеходами и неизбежными бродячими собаками и скотом, поэтому следить за трафиком приходилось самым тщательным образом. Харилалу стало спокойнее лишь после того, как они выехали на окраину. Теперь можно подумать о Сурате и о том, чем помочь родным Канты. Он нажал на газ, и его шикарный «хиндустан амбассадор» набрал скорость. Долгие годы потом Харилал вспоминал этот момент и задавался вопросом, насколько другой была бы их жизнь, если бы они в тот день не поехали в Сурат.

Глава 2

Пушпа изо всех сил обеими руками тянула назад брата, рвущегося к воде, и пыталась его удержать.

– Пусти меня! Пусти же!

– Нет, подожди. Сначала нужно найти место, где можно сесть. – Пушпа крепко держала мальчика, пока старшая сестра Джасумати искала местечко в тени, чтобы пристроить их немногочисленные пожитки. С озера дул прохладный ветерок, но в два часа дня жара свирепствовала. Джасумати показала на бетонную дорожку в верхней части пляжа, где лиственные деревья давали тень и как-то защищали от палящего солнца.

Пушпа покачала головой:

– От воды слишком далеко. И людей много. – Она окинула взглядом особо выносливых женщин, которые небольшими группками сидели на берегу на соломенных циновках под яркими солнечными лучами, не сводя глаз с детей, играющих в воде. Некоторые мамы прятались под зонтиками, но большинство прикрывали головы лишь *одхани* или шарфами. Пушпа показала на свободное место между двумя такими группками: – Можно устроиться там.

– Нет. Изжаримся на солнце. – Джасумати настаивала, что надо идти вверх, подальше от воды. – Пошли. Кто-нибудь уступит нам место.

Держа за руки Суреша, который извивался между ними, девочки поднялись выше. И действительно, молодые родители, как раз кормившие двух малышек, придвинулись ближе друг к другу, давая троице возможность уместиться рядом. Девочки быстро уселись на твердую землю. Пушпа с улыбкой поблагодарила пару, и молодая мать ответила ей дружеским кивком.

– Ну теперь-то мне можно в воду? – спросил Суреш, уже разувшись и приплясывая от нетерпения.

– Ладно, ступай уже, – проворчала Джасумати, закатывая глаза. – Но только сначаланими шорты и рубашку. Пушпа, иди с ним первой.

Та кивнула в знак согласия, сняла сандалии и кинула матерчатую сумку, где лежало платье, которое она собиралась надеть поверх мокрой одежды, когда пойдет домой. Натянув блузку, прикрывшую длинные черные шорты, она протянула руку Сурешу.

– Бежим! – закричал тот, дергая сестру за руку. И они помчались по пляжу, хохоча и огибая людей, наблюдающих за детьми, которые резвились в озере.

Брат с сестрой завизжали от восторга, добежав до воды, которая оказалась холоднее, чем они ожидали. Дети принялись прыгать вверх-вниз, наблюдая, как вода плещется вокруг. Пушпа воображала, что капли – это разноцветные брызги краски, танцующие у их ног. Потом дети пошли дальше от берега, пока вода не достигла Сурешу пояса. Ему не позволяли заходить глубже, но он рвался вперед.

– Стой! – преградила ему дорогу Пушпа. – Ты же помнишь, что велела *ба*.

Суреш хихикнул. Ему нравилось дразнить сестер, постоянно раздвигая границы дозволенного.

– Тогда научи меня плавать. Ну пожалуйста.

Пушпа и сама-то освоила это искусство всего несколько месяцев назад и очень гордилась собой: сначала тем, что просто научилась плавать, а потом – что так быстро. Но ей еще не хватало уверенности заходить далеко.

– А давай просто грести и плескаться. Это куда веселее!

Смеясь, брат с сестрой принялись зачерпывать воду руками и горстями швырять друг в друга. Потом они изо всех сил шлепали по воде ладонями и восторженно визжали, когда брызги летели им в лицо. Взявшись за руки, они подскакивали, устраивая небольшие волны, и выпрыгивали из них. На глубине поверхность озера была гладкой, как стекло.

– Пушпа-а-а! – послышался голос с берега.

Это была Гопна, ее школьная подруга, которая уже целый день провела здесь со старшим братом. Они присоединились к Пушпе с Сурешем. Гопна принесла с собой несколько бумажных корабликов, чтобы пускать по воде, и все четверо с удовольствием предались новой забаве, устроив мини-регату и гоняя кораблики по крохотным волнам.

Пушпе было очень весело, но она сознавала, что сестре тоже хочется поплавать.

– Пойдем, Суреш. Нужно же и Джасу-бен сюда отпустить. Теперь ее очередь.

– Нет. Я хочу остаться здесь!

– Ты должен пойти. Я не могу тебя оставить.

– Мы за ним присмотрим, – пообещала Гопна. – Пусть побудет с нами.

Пушпа возразила, что отвечает за брата. Но Суреш был готов закатить истерику.

– Ну пожалуйста, Пушпа-бен, позволь мне остаться. Я не буду заходить слишком далеко. Обещаю.

– Ты не доверяешь нам? – насупилась Гопна.

Не желая обижать подругу, Пушпа неохотно согласилась. Но покачала головой и предупредила:

– Джасу-бен сейчас придет.

А после, строго глянув на Суреша, повернулась и побежала вверх по пляжу.

Бежать пришлось недолго, поскольку народу стало меньше и не пришлось никого оглядывать. Некоторые все же не выдержали, собрали детей и ушли с изнуряющей жары. Пушпа уже видела сестру и кричала на бегу. Но Джасумати была занята разговором с соседкой, молодой матерью, вернее внимательно ее слушала, и подняла глаза только в тот момент, когда Пушпа уже стояла рядом.

– Джасу-бен, беги поскорее к Сурешу. Он в воде.

– Что?! Один?

– Нет. За ним моя подруга присматривает.

– Тогда можно и не торопиться, верно? Пойду через минуту. – И Джасумати повернулась к соседке, которая тут же продолжила свой рассказ.

Женщина была явно чем-то расстроена и изливала душу Джасумати, которая слушала с очевидным удовольствием. Пушпе же хотелось, чтобы сестра меньше интересовалась сплетнями. Поддав раздраженный вздох, она наклонилась и торопливо заговорила:

– Иди сейчас же! *Ба* не разрешает оставлять Суреша с посторонними.

Женщина прервала поток слов и уставилась на ребенка у себя на коленях. Муж и второй ребенок куда-то делись.

Джасумати была раздосадована. Недовольно посмотрев на Пушпу, она нарочито медленно встала.

– Разве *ба* наблюдает за нами прямо сейчас? Ты ее где-нибудь видишь? Вечно строишь из себя паиньку, так и бежишь все ее распоряжения выполнять! – процедила она сквозь зубы. И хоть говорила она тихо, но с такой явной злобой, что люди вокруг стали оборачиваться.

Испепелив сестру взглядом, Джасумати все же сняла сандалии и неторопливо двинулась прочь. Пушпа проводила ее взглядом, прикрыв рукой глаза. И уселась только после того, как увидела сестру в воде рядом с Сурешем. Вздохнув, девочка порылась в сумке, нашла полотенце и накинула его себе на плечи. Потом вытащила флягу с водой, запрокинула голову и сделала глоток, не касаясь края губами. Мать научила их этому трюку, который, по ее словам, был единственным гигиеничным способом пить из одной посуды с кем-то.

– Как тебя зовут? – спросила молодая женщина.

– Пушпа.

Соседка наклонила голову и улыбнулась.

– А это Рам. Его братик ушел домой с отцом.

Пушпа построила мальчугану забавную рожицу и пощекотала его под подбородком, а тот залился смехом.

– Видишь, какой славный? С ним вообще никаких проблем. А свекровь постоянно на него жалуется. Я как раз говорила твоей сестре, до чего она противная. – С этими словами женщина разразилась гневной тирадой, что муж-то у нее замечательный, но вот мать у него – настоящая ведьма.

Пушпа поджала губы и отвернулась. Она знала, что последует дальше, и приготовилась к длинному монологу. Вежливо слушая излияния незнакомки, она время от времени кивала в знак сочувствия. На самом же деле ее мысли витали совершенно в другом месте, а глаза были прикованы к детям, веселившимся в воде. Соседка, понизив голос, разглагольствовала почти полчаса и умолкла лишь после того, как Джасумати и Суреш подошли попить воды.

– Смотри-ка, Пушпа-бен, – Суреш показал еще не использованный бумажный кораблик, – они ушли, а это оставили нам. Пойдем еще поиграем?

Пушпа покачала головой:

– Нам тоже уже скоро пора.

– Нет-нет-нет. Ну еще хоть один заплывчик. Пожалуйста! – Суреш снова молитвенно стиснул руки.

– Говорю же, нельзя. *Ба* не разрешает долго оставаться в воде. – Пушпа перехватила взгляд сестры и поняла, что говорить так не стоило.

– Да ладно, Пушпа, еще ведь только четыре часа. Сходи с ним еще разок.

– Да-а-а-а! – Суреш возбужденно захлопал в ладоши. – Давай скорее, пойдем-пойдем.

Скрепя сердце Пушпа согласилась и позволила брату утащить ее к озеру. Там она развлекала его минут десять, а потом опять принялась уговаривать вернуться. Но брат завлек ее в воду, где они стали играть с бумажным корабликом. Суреш одной рукой двигал его по поверхности, а другой поднимал за ним тучу брызг.

– Не давай воде попасть внутрь, а то утопишь. – Пушпа оттолкнула руки брата и показала, как двигать кораблик, чуть переваливая с борта на борт. Вскоре мальчик научился им маневрировать.

Пушпа стояла неподвижно, а брат, сосредоточенно нахмурясь, вел кораблик вокруг нее.

– Теперь ты! – скомандовал он, останавливаясь.

Они несколько раз повторили маневр, но потом Пушпе стало скучно и захотелось домой, поэтому она объявила, что им пора.

– Хватит, Суреш. Пойдем. Давай-ка ледяную *фалуду* купим.

Но брата не так-то легко было отвлечь. Между тем пляж почти опустел, да и под деревьями толпа заметно поредела. Пушпа уже могла разглядеть среди листвы Джасумати, склонившуюся головой к молодой мамочке-соседке. Сестра, казалось, была совершенно поглощена беседой.

Пушпа взмахнула руками, чтобы подать знак сестре. Вдвоем они могли бы уговорить Суреша или хотя бы заставить его уйти, если бы Джасумати соизволила спуститься к воде. Но Пушпе удалось привлечь к себе лишь удивленные взгляды сидящих на самом берегу людей.

И чего они все на нее так пялятся? Пушпа ненавидела чужое внимание. Отец говорил, что это такое национальное времяпрепровождение и на зевак не стоит обращать внимание. Отвернувшись, девочка снова попыталась поймать взгляд Джасумати. Без толку. Оглянувшись убедиться, что с Сурешем все в порядке, она направилась ближе к берегу. Выйдя из воды и сделав несколько шагов, она взмахнула обеими руками и как могла громко позвала старшую сестру.

Люди, глазевшие на нее, принялись махать в ответ, словно знакомые. Вот глупцы. Зато Джасумати наконец-то глянула в ее сторону, встала и пошла, сначала лениво, а потом заспе-

шила вниз по склону. Пушпа слышала, как она что-то кричит, но не могла разобрать. Несколько мужчин рядом тоже встали и побежали вниз.

Пушпе стало не по себе, под ложечкой вдруг затрепетала тревога. Что-то явно не так. Все указывают на нее. Внезапно до нее дошло: Суреш! Она повернулась позвать брата, но его не было. Во рту моментально пересохло. С колотящимся сердцем она обернулась, надеясь увидеть его на песке, но братика не было и там. Со страхом девочка обводила взглядом озеро: никого. А потом вдруг заметила белый бумажный кораблик, жалко подпрыгивающий вверх-вниз на мелкой зыби.

– Суреш! – закричала Пушпа, растерянно озираясь. Мальчика нигде не было видно. – Суреш! – взывала она снова и снова, вне себя от страха.

Внезапно она даже не увидела – почувствовала какое-то движение слева от кораблика. Голова брата выскочила из воды. Он кашлял и отплевывался, хватая ртом воздух и в панике колотя руками. В том месте для него было слишком глубоко, и он отчаянно пытался удержать голову над водой, но его снова и снова тянуло ко дну.

Судорожно вдохнув, Пушпа бросилась в воду и поплыла к нему. Двигалась она быстро и вскоре добралась до самой глубокой части озера. Барахтаясь на месте, в панике огляделась, снова и снова выкрикивая имя брата. Потом сделала глубокий вдох и полностью погрузилась в темноту и тишину, ища Суреша взглядом и руками.

Почти сразу под руку ей попало что-то плотное. Это был братик, пугающе неподвижный. Она обхватила его сзади и потянула вверх. Вместе они вырвались на поверхность. Пушпа судорожно втянула в легкие воздух, но Суреш, тряпичной куклой обмякнув в ее руках, оставался совершенно неподвижным. Он казался очень тяжелым. Сестра, плача ему в ухо, изо всех сил пыталась его растормошить.

Внезапно ее обхватили сильные руки.

– Отпусти его, – услышала девочка приглушенный чужой голос.

– Нет! – выдохнула она, борясь за каждый глоток воздуха.

– Мы доставим его на сушу, – настаивал голос.

Пушпа не отпускала, крепко держа Суреша и молясь, чтобы он задышал, пока она сама пытается удержаться на плаву.

Брата выдернули у нее из рук. Кто-то сильный, вроде мужчина, схватил Суреша, спросил Пушпу, все ли с ней в порядке, а затем поплыл к берегу, держа голову мальчика над водой. Беспомощно смотрела она, как мужчина вместе с ее братом движется к толпе, ожидающей на берегу. Впереди застыла Джасумати, широко раскрыв глаза от страха и зажав рот обеими руками.

Пушпа совершенно обессилела. Оглядевшись, она поняла, что оказалась на глубине куда большей, чем привыкла. Ее охватила паника. Вода тянула девочку вниз. В отчаянии она попыталась плыть, но руки и ноги отказывали. Она открыла рот, пытаясь крикнуть.

– Джасу-бен, помоги! Помогите хоть кто-нибудь! – Но голос превратился в никому не слышное хныканье. Все взгляды были прикованы к Сурешу. Пушпа снова и снова звала на помощь. «Нет, не может быть», – подумала она, не в силах сопротивляться воде, затягивающей вглубь.

Каждый раз, когда девочка открывала рот, туда лилась вода, заставляя ее кашлять и задыхаться. В панике она откинула голову назад и попыталась сделать вдох. В полном отчаянии попыталась еще раз позвать на помощь, но только сильнее наглоталась воды, которая начала заполнять легкие. Все, никакой надежды не осталось. Никто не поможет. Измученная Пушпа сдалась, закрыла глаза и покорно погрузилась в затягивающую тьму.

Глава 3

Канта была довольна: из Сурата они вернулись еще засветло. Уже в четверть седьмого Харилал свернул на Голвад-стрит. И почти сразу Канта с удивлением увидела у особняка Супарны небольшую толпу. Первым делом она решила, что в одной из квартир устраивают вечеринку или проводят религиозное мероприятие. Но при ближайшем рассмотрении лица у людей оказались мрачные, и такая вероятность отпала.

– Может, кто-то умер, – предположил Харилал, выключая двигатель.

Для соседей вполне обычным было таким образом отдавать дань уважения усопшим.

Поначалу Канта не отреагировала на слова мужа, раздраженная, что им перегородили вход. Но потом до нее постепенно стал доходить смысл происходящего, и в животе образовался тошнотворный ком, а грудь сдавило. Она посмотрела на Харилала, который тоже повернулся к ней. По лицу его скользнула тень, но потом он слабо улыбнулся, пытаясь успокоить ее, и открыл свою дверцу.

– Давай пройдем внутрь.

Толпа расступилась, пропуская их. Пока они шли к главным воротам, Канта смотрела прямо перед собой. Она слышала, как Харилал здоровался с кем-то из толпы. Некоторые невнятно бормотали ответное приветствие, покачивая головами, другие молча смотрели на супругов.

По другую сторону ворот их ждали жильцы первого этажа, господин и госпожа Саледжи. Тошнотворный ком в животе Канты скрутился в тугой узел.

– Хари-бхай, Канта-бен, входите, пожалуйста, – настойчиво проговорил господин Саледжи.

Канта перевела взгляд на его жену, которая, нахмурившись, стояла у соседа за спиной, и неуверенно улыбнулась ей. Но Фатима Саледжи не улыбнулась в ответ. Тут Канта поняла, что ее тревога не напрасна. Кожу на голове покалывало, паника в груди нарастала. Задрожав, она посмотрела на мужа, но тот, опустив голову, уже следовал за господином Саледжи. Канта шла позади, трясясь от страха.

Саледжи усадил Харилала и Канту на диван, потом Фатима закрыла дверь и пошла на кухню за водой.

– Да что такое? Что случилось? – В голосе мужа слышалось беспокойство. Канта затаила дыхание.

Господин Саледжи прокашлялся.

– На Дудхья-Талав кое-что произошло.

– Дети?! – Харилал вскочил на ноги. Канта почувствовала, как у нее от страха скрутило живот.

Понизив голос, господин Саледжи продолжил.

– Суреш чуть не утонул, но его спасли и отвезли в больницу.

Харилал ринулся к двери.

– Мы должны поехать туда немедленно!

– Да постойте, пожалуйста! Подождите. Мне очень жаль. Суреш в порядке, но... Боюсь...

Харилал схватил Саледжи за руку.

– Джасумати? Пушпа?

Вошла Фатима с двумя стаканами воды, но замерла у двери, когда муж произнес слова, которые страшится услышать любой родитель:

– Пушпа кинулась спасти Суреша, но сама попала в беду. Боюсь... Боюсь, девочка не справилась. – Он помолчал. – Мне очень жаль. Пушпа случайно оказалась на глубине и утонула. Ее больше нет. – Голос у Саледжи надломился. На какое-то время воцарилась мертвая

тишина. Слова соседа повисли в воздухе, обрушившись на головы и плечи невероятной, невообразимой тяжестью.

– Нет! – вскочив, закричала Канта. – Неправда! – И заткнула уши руками, словно, непуская в них эти ужасные слова, могла стереть жуткую правду.

Фатима поставила стаканы на столик и кинулась утешать бедняжку. Обняла и крепко держала, пока та рыдала.

– Она не могла умереть! – Канта подняла взгляд, в глазах пылала ярость. – Это ошибка. – В памяти всплыл образ дочери, весело машущей им с мужем рукой всего несколько часов назад. Отстранившись, Канта хмуро глянула соседке в глаза, терзаемая гневом и страхом.

Та всхлипнула и покачала головой. Глаза ее были полны боли. Канта застыла неподвижно, как вкопанная. Потом вся как-то обмякла и издала вопль отчаяния. Фатима снова обняла ее, и на этот раз Канта прильнула к соседке, неудержимо рыдая.

Харилал стиснул руку Саледжи.

– Где Джасумати? Что с ней?

– Она в больнице с Сурешем. Попросила медсестру позвонить мне, чтобы я сообщил вам. А я сразу отправил в больницу сына, Альтафа, на велосипеде.

Канта билась в душераздирающих рыданиях. Саледжи покосился на нее и многозначительно тряхнул руку Харилала. Тот, словно лунатик, ступил вперед и попытался оторвать жену от Фатимы, но та вцепилась в соседку намертво. – Пойдем, Канта. Нужно идти. Нам нужно идти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.